

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ ПЛАТОНА

В статье раскрывается концепция устройства идеального, с точки зрения Платона, города-государства. Основное внимание в ней уделено проблеме воспитания, обучения, своеобразию устройства жизни защитников государства, которые должны быть лишены частной собственности и семьи, а государство выполняет функции контроля за деторождением и организацией общественного воспитания маленьких детей.

Введение

Впервые как государственная функция идея общественного дошкольного воспитания ребенка с первых дней жизни была выдвинута в эпоху рабовладельческого строя в одном из городов-государств Древней Греции – в Афинах.

Сделано было это философом Аристоклом (известного нам под именем Платона) в его знаменитом диалоге “Государство”. В нем рассматривались все

главные вопросы философии с точки зрения Платона: от определения сущности справедливости в душе человека и поиске ее в государстве до описания происхождения государства, видов его общественного устройства и наиболее пригодной для образцового государства системы воспитания и обучения детей. К детализации практических вопросов воспитания Платон обратился впоследствии в одном из своих последних произведений – “Законы”.

Основная часть

До изображения модели устройства идеального государства для эллинов, Платон описывает четыре плохих, “порочных” вида государственного устройства (тимократию, олигархию, демократию и тиранию) и приходит к выводу о том, что такими их делают корыстные интересы людей. Каждый из предыдущих видов правления является ступенью для перерождения в последующий, еще более худший. Так, появление страсти к обогащению в тимократическом государстве (от греч. “честь”, “цена”), правление в котором основано на власти честолюбцев, приводит в олигархическом (от греч. “немногочисленный” и “власть”) к господству узкой части лиц над большинством, разделению граждан на бедных (их большинство) и богатых (меньшинство), в руках которых сосредоточена власть. Демократия только кажется лучшим государственным устройством, уравнивающим равных и неравных, на деле это еще более худшая форма правления. Поскольку, хотя власть после победы бедных формально принадлежит свободным гражданам, противоположности между ними и богатыми обостряются до крайности. Рано или поздно это приводит к возникновению в людях зависти, злобы бедных против богатых, восстаниям. И, наконец, ставленник народа при демократии со временем превращается в тирана, что приводит к “четвертому и крайнему заболеванию государства”, когда власть над всеми принадлежит одному. Так в каждом из отрицательных по способу управления государств появляется “два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей” [1, с. 192] и отсюда раздор – вместо единомыслия, насилие – вместо справедливого распределения обязанностей, алчность и стяжательство – вместо отречения от материальных интересов, стремление к власти ради обогащения и личной выгоды.

Всем им он противопоставляет свой идеал вымышленного, воображаемого идеального города-государства для эллинов, обладающего четырьмя добродетелями: мудрость, мужество, рассудительность и справедливость. Эти отличительные особенности правильно устроенного государства соответствуют трем началам человеческой души, которые выполняют такие же функции, что и выделенные в государстве сословия – познающее (или разумное), гневное (или мужественное, яростное) и неразумное (вождедеющие). Одно из этих начал – преобладающее, в зависимости от того, среди каких идей душа обитала. Отличительной особенностью идеального государства является справедливость, которая проявляется в согласованности всех трех начал человеческой души. Согласованность эта не позволяет восставать какой-либо одной “...части души против всей души в целом с целью господствовать в ней, хотя данная часть к этому не предназначена по своей природе, а должна повиноваться той части, которой господствовать подобает” [1, с. 219].

Так и в справедливом государстве: люди, обладающие познающим началом души (как господствующим) будут государством руководить; начало гневное будет мужественно выполнять их решения и обязанности защиты, и оба они должны управлять началом неразумным, вождедеющим, а оно – повиноваться

им и укрощать свои дурные стремления. Правители при этом, добиваясь содействия от стражей-воинов, которые помогают им (как собаки помогают пастухам пасти “стадо” тружеников), должны бдительно следить, чтобы сами стражи не превратились в волков, нападающих на стада овец.

Государство это не должно быть слишком маленьким (иначе не сможет удовлетворять потребности граждан), но и не слишком большим (иначе у соседей может появиться соблазн “отхватить” часть территории); оно не должно быть слишком бедным или слишком богатым, чтобы люди не терпели нужды, и в то же время не создавались условия для возникновения людских пороков, несправедливости.

Поскольку нравственный принцип для Платона главный, в основанном на справедливости государства каждому гражданину отводится особое занятие и особая роль. Разделение это соответствует разнообразным потребностям людей (в пище, жилье, одежде, защите, разумном управлении), их природным и нравственным задаткам, и потому в идеальном государстве за каждым закрепляется то дело, к которому он наиболее пригоден. Отсюда – четкое выделение в идеальном государстве трех сословий людей для выполнения разных функций: правителей, стражей и людей, занимающихся трудом.

Для трудового люда достаточно иметь природные задатки к какому-либо делу (земледелию, строительству, торговле, ткачеству и т.д.), чтобы ему поручили это выполнять. Порученным делом надо будет “заниматься – всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое”, “не разбрасываясь и не вмешиваясь в посторонние дела”, ибо только так можно достичь в нем успеха.

Государству придется защищаться или воевать с захватчиками. А так как “невозможно одному человеку с успехом владеть многими искусствами”, то ни один ремесленник или земледelec не может стать хорошим воином, тем более, что они не имеют права вмешиваться в дела друг друга. В свою очередь и воины-стражи должны заниматься делом, несоместимым с другими, требующими от них “мастерства и великого старания”. Для стражников уже недостаточно только природных задатков (мужества, отваги, силы), они должны “по своей природе еще и стремиться к мудрости”, обладать нравственными задатками. Однако, если отпрыски некоторых стражей получат неудачными и не будут отличаться этими качествами, то их “надо переводить в другие сословия, а одаренных людей из других сословий – в число стражей” [1, с. 193].

Из их среды, но не наобум, а путем последовательных испытаний (в детском, юношеском и зрелом возрасте) и продолжительного обучения отбираются превосходящие всех остальных граждан по своим нравственным и умственным качествам люди, которые будут править государством. Они надежнее всех стоят на страже государственных интересов; это цельные, просвещенные, сведущие в истине люди, наиболее отличившиеся в философии, стойкие “в науках, на войне и во всем, что предписано законом” [1, с. 324], цель жизни которых – “ревностное служение государственной пользе”. Заслуживает роли правителей лишь небольшое число граждан и гражданами этими являются философы. Так, если при олигархии власть принадлежит немногим в зависимости от их имущественного ценза, то в идеальном государстве эти немногие – действительно достойные и способные управлять им люди как в силу своих природных задатков, так и благодаря долголетней предварительной подготовке.

Такое четкое разделение граждан в воображаемом государстве Платон считает справедливым, т.к. именно оно может защитить своих членов и обеспечить удовлетворение их потребностей и разумное руководство. И потому государство это стано-

вится земным воплощением идеи блага, “прекрасным существованием” для граждан, которые живут в нем в гармонии, во всеобщем братстве, заботе, “не досаждая друг другу взаимным вмешательством”.

Никакие изменения в таком жестко разделенном на сословия государстве не допускаются, ибо “...вмешательство этих трех сословий в чужие дела и переход из одного сословия в другое – величайший вред для государства и с полным правом может считаться преступлением” [1, с. 206], нарушением справедливости. Каждый гражданин должен выполнять свою единственную функцию на основе согласованности имеющихся в нем начал.

Основным объектом заботы в идеальном государстве являются стражи, ибо из них должны выйти защитники и правители. В связи с тем, что “самые одаренные души при плохом воспитании становятся особенно плохими”, пригодные по своим природным и нравственным задаткам для охраны и управления люди должны получить особое воспитание и обучение, подготавливающие их к выполнению своего предназначения. Именно “правильное воспитание и обучение пробуждает в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, те благодаря такому воспитанию становятся еще лучше” [1, с. 193].

Этим вопросам Платон придавал огромное значение, ибо считал, что воспитание людей “на возвышенных знаниях и специальных упражнениях” помогут сохранить в целостности и идеальное государство, и его строй, а просчеты в воспитании могут сказаться на них самым негативным образом. Роль государства в тщательно продуманной системе воспитания, в которой нашли отражение некоторые аспекты воспитательной практики Афин и Спарты – главенствующая и определяющая.

Воспитание это двоякого рода – гимнастическое для тела и мусическое для души. В основе подобного деления – традиции Афинского воспитания эпохи расцвета этого государства в соответствии с идеей калокагатии, гармонии души и тела. Оба этих вида воспитания должны быть взаимосвязаны, соответствовать друг другу, ведь каждое из них в отдельности не самоцель, а средство создания совершенной души. Однако начинаться оно должно именно с мусического, главным предметом, которого и является душа человека (как самое ценное в нем) и потому именно душе следует уделять первоочередное внимание и заботу: “забота о душе должна предшествовать заботе о теле”.

Платон не говорит о том, где и в каких условиях должны жить и работать, какое воспитание получать люди низшего сословия, производящие все материальные блага, обеспечивающие потребности высшей прослойки идеального государства. Главное для него – воспитание стражей и описание своеобразных особенностей условий устройства их жизни. Как же должна быть устроена жизнь стражей-воинов?

Для Платона в идеально устроенном справедливом государстве главное – не счастье отдельного человека или одного из слоев населения, а счастье, процветание государства в целом. И, потому, говоря об устройстве жизни тех, кто охраняет и правит, на первый план он выдвигает заботу о том, чтобы справедливость и единство граждан ничем не нарушались, в нравы людей не проникали корыстолюбие и прочие недостатки государств отрицательных видов, которые являются основными причинами порчи человеческих нравов и государственных устройств.

Поскольку на институтах частной собственности, семьи и брака зиждутся два сильнейших чувства – зависть и ревность, которым не место в идеальном государстве, следовательно, институты эти, применительно к высшим сословиям, должны быть уничтожены.

А для этого нужны особые условия: “никто из них не должен обладать никакой частной собственностью... ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. Припасы... они должны получать от остальных граждан в уплату за то, что их охраняют... без излишка. Столуясь все вместе,... они и жить будут сообща” [1, с. 186], вдали от низших сословий, в лагере, удобном по своему расположению как для защиты граждан, так и для усмирения непокорных, восстающих против установленных порядков. Им одним в государстве категорически не дозволено пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним. Ибо при появлении частной собственности на землю, на дома, наличие денег они быстро изменятся в худшую сторону: станут хозяевами, враждебными по отношению к другим гражданам, владыками, что, в конце концов, приведет государство к гибели.

Высшие классы будут жить как одна дружная семья, если у них не будет никакого личного имущества и возможности к его увеличению, что обычно приводит к разногласиям, спорам и раздорам. А так – все принадлежит всем. У огражденных от частной собственности стражей не могут развиваться корыстолюбие и стяжательство, которые являются непреодолимой преградой для выполнения ими долга защиты.

В подобных требованиях видны отзвуки спартанских законов, высоко ценимые Платоном, установленные частично в VIII, главным образом во второй половине VII века до н.э. Плутарх, повествуя о преобразованиях легендарного Ликурга в Спарте, раскрывал причину введения ряда наиболее смелых нововведений: “железя уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела – богатство и бедность, он убедил сограждан отказаться от владения землей в пользу государства.” [2, с. 99]; изыал из обращения всю золотую и серебряную монету, благодаря чему роскошь постепенно исчезла вовсе, а “вместе с деньгами исчезли в Спарте и всякие тягбы”, Богатый отныне не имел никакого преимущества перед бедными, т.к. отличался от него только качеством изготовления домашних предметов первой необходимости (кровать, стол, стулья). Чтобы окончательно стеснить роскошь и уничтожить корыстолюбие, Ликург ввел совместные трапезы. Это учреждение “общего стола простой пицци” полностью лишало возможности не только похвастать богатством, драгоценной посудой, но и наслаждения вкусной едой, одной из главных радостей, которое могло дать богатство. На эти трапезы ходили и дети “как в школу для развития ума”, т.к. считалось полезным для них слушать разговоры и перенимать опыт взрослых. Ксенофонт, описывая быт граждан в государстве лакедемонян, также писал о введении совместных трапез, взамен Питания на дому, как о средстве борьбы с образом жизни, ведущим к изнеженности, беззаботности. Преимущества же питания вне дома, по его мнению, приносит еще одну пользу – “люди, возвращающиеся домой, вынуждены совершать прогулку, они должны думать о том, чтобы не напиться пьяными, зная, что не могут оставаться там, где обедали...” [3, с. 135-136].

Исходя из того, что “у друзей все должно быть общим”, Платон выдвигает требование общности женщин и детей для стражей, разрушая тем самым институт моногамного брака: “все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна, ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими и пусть родители не знают своих детей, а дети – родителей” [1, с. 232]. Как общность имущества, отсутствие личной частной собственности и невозможность ее возникновения делают невозможными возникновение судебных имущественных разбирательств, так и обладание всех всеми и никем в отдельности исключает поводы к ревности, зависти, преступлениям. Не нужна семья стражам и правителям также и потому, что у них не должно быть никаких интересов, кроме служения государству, а семья отвлекает от него, вынуждает идти на компромиссы в желании примирить лично-семейные интересы с общественными.

Сделать это вполне возможно, поскольку стражами могут быть не только мужчины, но и женщины, получающие такую же подготовку к выполнению функций воинов при наличии для этого у них природных задатков. Платон рассуждал так: ведь если существуют на свете плешивые и не плешивые, это не означает, что их “природные свойства противоположны” и одни могут иметь какие-либо преимущества в своем деле перед другими. Потому и женщина, освобожденная от семейных обязанностей, может стать воином.

Поскольку стражи-мужчины и стражи-женщины живут в общем лагере и постоянно общаются друг с другом во время совместных трапез, гимнастических упражнений, для правителей вполне реально организовывать и контролировать их непродолжительные брачные союзы. Так государство возьмет на себя функции контроля над деторождением, ибо в идеальном государстве “было бы нечестно допустить беспорядочное совокупление”.

Происходить это должно следующим образом: правители периодически втайне подготавливают и организуют своеобразные “брачные празднества”, исходя из учета количества нужных государству граждан, чтобы “по возможности сохранять постоянное число мужчин в нем”, не увеличивая, но и не уменьшая государство. Но даже скоропреходящие, праздничные браки, разрешенные государством, совершаются не по взаимной склонности людей, а по указаниям правителей, ибо единственная их цель – рождение детей.

Чтобы не было обиженных и недовольных, совершаться они должны по жребию, но сама жеребьевка должна быть подстроена так, чтобы лучшие соединялись с лучшими (“раз наше стадо... должно быть самым отборным”), а худшие – с худшими. При этом “человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей”, юношей же, “отличившихся на войне или как-нибудь иначе, надо удостаивать почестей и наград и предоставлять им более широкую возможность сходитья с женщинами, чтобы под благовидным предлогом ими было зачато как можно больше младенцев” [1, с. 235]. Поступая так, государство должно, как рачительный хозяин при выведении лучшего потомства от своих ценных пород животных, заботиться прежде всего о детях, родившихся в результате этих временных союзов, столь полезных государству. Немаловажное значение имеет и возраст будущих родителей. Платон считал порой телесного и духовного расцвета для освященного государством деторождения для женщин 20, а для мужчин – 30 лет. Продолжаться это время может для женщин до 40, а для мужчин до 55 лет [1, с. 236].

Ежели кто старше или моложе “возьмется за общественное дело рождения детей”, и они будут зачаты без разрешения “под покровом мрака, как плод ужасной невоздержанности”, или же мужчина брачного возраста “коснется женщины пусть и брачного возраста, но без разрешения правителя на их союз”, то родившиеся дети признаются незаконными, и ими надо распорядиться так, чтобы “не пришлось выращивать”. Так беспощадно надо поступать и с младенцами, обладающими телесными недостатками, родившимися от худших родителей или “вышедших из возраста, назначенного для произведения потомства” – все они обречены на смерть “в недоступном, тайном месте”.

Подобным образом избавлялись от новорожденных с явными проблемами в развитии в Спарте, опасаясь, что в дальнейшем они станут для государства не опорой, а тяжелым бременем. По преданию, совет старейшин принимал решение оставить ребенка в живых или лишить его жизни. Уродливых и увечных сбрасывали в пропасть с Тайгетского хребта, ибо его “жизнь не нужна ни ему самому, ни государству”, а хилого, болезненно испытывали купанием в вине, т.к. верили, что такие дети от крепкого вина погибают, а здоровые становятся еще более крепкими и сильными [2, с. 108].

Как же поступать с законными младенцами, родившимися от лучших родителей? Семьи нет, за мужчинами сохранена только функция зачатия, за женщинами — деторождения...

Так впервые выдвигается и обосновывается идея общественного воспитания детей с первых дней жизни как замена семейному. Дело воспитания возлагается на государство, в руки представителей которого дети передаются с первых дней жизни.

Происходить это должно следующим образом. Все законно рожденное потомство сразу же отбирается у матерей и поступает в распоряжение специально назначенных должностных лиц, которые относят их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. Они же организуют их питание, приводя поочередно матерей “чьи груди набухали молоком” и всеми способами стараясь сделать так, чтобы ни одна из них не могла опознать своего младенца; а “ночные бдения и прочие тягостные обязанности” предоставляются заботам кормилиц и нянек [1, с. 236].

Все дети, родившиеся на десятом или седьмом месяце после этих “праздников” должны считаться друг другу братьями и сестрами, а отцами и матерями называть всех участников этих брачных союзов. Платон верил, что так будет достигнута высшая форма единства всех граждан государства — все стражи будут родственниками, а государство станет наиболее сплоченным. Вместо семьи частной будет семья общественная, совпадающая в своих пределах с размерами государства.

Естественно, рожденные от стражей, эти дети получают и соответствующее для стражей воспитание, начиная с мусического. Платон не уточняет возраст для начала воспитательного процесса. Он пишет о “детях”, “малых детях”, “младенцах”, но отмечает, “...что во всяком деле самое равное — это начало, в особенности, если это касается чего-то юного и нежного. Тогда всего вернее образуются и укореняются те черты, которые кто-либо желает там запечатлеть” [1, с. 140] ведь все воспринятое в “раннем возрасте обычно становится неизгладимым и неизменным”. И в этом он один из первых задолго предвосхитил идеи педагогов нового времени о значении первых впечатлений ребенка на его последующее развитие и их требования тщательного отбора мер влияния на детей с малых лет.

Поскольку мифы являются одним из главных средств мусического воспитания, специально назначенные государством люди рассказывают их детям. Оно же должно позаботиться, чтобы дети не слушали и не “воспринимали душой какие попало и кем попало выдуманные мифы”, Поскольку “более всего надо добиваться, чтобы первые мифы, услышанные детьми, самым заботливым образом были направлены к добродетели” [1, с. 142].

В воспитательных целях из них должно быть изъято все, что изображает богов в недостойном виде, даже если это является правдой. Отобранные мифы должны воспитывать в детях прежде всего мужество; а те, которые вызывают скорбь, жалость, страх, смех, воспитывают корыстолюбие, лживость, невоздержанность — следует исключить из оборота. Государству надо следить за творцами мифов, допускать для рассказывания детям только самые лучшие, “чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела — руками” [1, с. 140].

Идея общности жен и детей резко критиковалась уже учеником Платона, Аристотелем в его “Политике” за то, что это приведет к противоположному результату, не сплотит всех граждан воедино, а, наоборот, разрушит межродственные привязанности, не воспитает уважение к родителям и т.д.

Сам Платон возвратился к замыслу устройства идеального государства, в том числе к вопросам сочетания в нем общественного и семейного воспитания маленьких детей в своем последнем периоде творчества. Если в “Государстве” речь шла о воспитании только стражей и будущих правителей, то в “Законах” – о воспитании законопослушности уже у всех граждан. Автор в этом диалоге более реалистичен и снисходителен к человеческим слабостям.

В этом произведении нет столь ошеломляющих предложений по вопросам семьи и брака. Наоборот, Платон полагает, что первым законом правителя должен стать закон о браке и семье, согласно которому всем мужчинам надлежит жениться в обязательном порядке в возрасте 25-30 или 30-35 лет. Тот из мужчин, кто не повинется этому по доброй воле, и не женится до 35 лет, должен ежегодно выплачивать определенную сумму (размер которой зависит от его принадлежности к определенному классу), “чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит облегчение и выгоду” [4, с. 195]. Ежели кто уклонится от этих ежегодных выплат, тот будет вынужден платить в двойном размере.

Кроме этих материальных способов воздействия на несознательных холостяков, он считал допустимым и моральные – младшие по возрасту могут не слушаться их и не оказывать должного уважения. Подобные меры воздействия предусматривались и в Спарте: против них могли быть применены судебные санкции в виде штрафа за безбрачие уклоняющихся от своих обязанностей перед государством холостяков. “Зимой они по приказу властей обходили голыми городской рынок и ...пели сочиненную на их счет песню, где говорилось, что они наказаны совершенно справедливо за свое неповиновение законам” [2, с. 107]. Без внимания государства у Платона не остаются не только вопросы брачного законодательства, но даже самые разные стороны частной семейной жизни, начиная от подробнейшей регламентации брачных обрядов (размер приданого, количество приглашенных на скромный брачный пир со стороны жениха и невесты, размеры трат на его организацию и пр.) вплоть до контроля над усердиями супругов в деле зачатия и рождения детей.

Поскольку главная цель брака – рождение для государства детей, по возможности самых лучших, специальные блюстительницы законов должны на протяжении десяти лет наблюдать новобрачных и увещавать их к исполнению этой задачи. Супружеские пары могут жить в своих домах, где рождаются и первоначально воспитываются их дети до трех лет. Ежели у некоторых родителей за это время потопства не будет, «то они, для взаимной пользы расходятся», предварительно посоветовавшись с родителями и блюстительницами законов.

В деле воспитания малолетних детей Платон считал свои советы скорее похожими на некое поучение и “увещание”, занимающее промежуточное положение между “наставлением и законом”, ибо считать все вышесказанное “установленными законами значило бы преисполниться великого безумия”.

Ради рождения полноценного ребенка в течение года (желательно всей жизни), а особенно “в тот день и ту ночь, когда совершается брак” и “когда наступает время родить”, надо “...остерегаться и не совершать по доброй воле ничего вредного, дерзкого и несправедливого. Ибо все это неизгладимо отпечатлевается в душе и теле ребенка, и дети рождаются плохими во всех отношениях” [2, с. 252]. Ради этой цели все будущие мамы должны во время беременности особенно заботиться о том, чтобы не испытывать “множество неистовых наслаждений, а равно и страданий; желательно, чтобы этот промежуток времени они прожили в радостном, безмятежном и кротком настроении” [2, с. 270]. Им следует гулять, да и детей раннего возраста нельзя оставлять без движений и свежего воздуха: надо выно-

сить их постоянно в поля или к святилищам (которые обычно были окружены рощами). Забота о том, чтобы “малолетние дети не искривили свои члены, когда опираются на что-то” была, пожалуй, даже чрезмерной: до двух лет Платон советовал их пеленать, а до трех носить на руках.

Платон был убежден, что основные черты характера человека складываются в первые три года жизни, и потому немаловажно как пройдет это время. Беспокоясь о “хорошем состоянии души” ребенка, кормилицам надо заботиться об их спокойном душевном настроении, бороться с “тяжелым расположением духа”, плачем и хныканьем ребенка с тяжелым нравом. Средства борьбы с болью, страхом и страданием могут быть разными, но в образцовом государстве людям надо избегать крайностей – стремление к абсолютному наслаждению и полного уклонения от любых страданий. Надо довольствоваться чем-то средним в жизни и в воспитании детей – поддержанию у них веселого, радостного расположения духа.

При этом есть опасность испортить, избаловать ребенка, ибо его “гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами, и прежде всего тогда, когда из рук кормилицы и матери он отдается, для ребячьих забав, попечению руководителя...” [4, с. 288].

Идея общественного дошкольного воспитания Платоном в “Законах” сохранена, только начинается оно уже не с момента рождения ребенка как замена семейному, а с трех лет, как дополнение к нему. Для этого всех детей страны (“разделенной на 12 по возможности равных участков”) от 3 до 6 лет надо собирать вместе в святилищах по поселкам.

В “Законах” Платон описывает разветвленный аппарат, занимающийся организацией и руководством воспитания детей от лица государства. Во главе этой работы стоит избранный путем голосования специальный страж законов, должность которого “гораздо значительнее самых высоких должностей в государстве...состоящая во всевозможном попечении о воспитании мальчиков и девочек” [4, с. 240-241]. Этот человек должен быть наилучшим во всех отношениях, достигший не менее 50 лет и имеющий законных детей обоего пола. Специально назначенные стражами законов двенадцать женщин-блестительниц законов должны ежедневно посещать святилища с детьми, следить за порядком и наблюдать за работой няней-кормилиц, наказывая их в случае необходимости за упущения в работе. Ежегодно выбирать этих женщин (ровесниц себе по возрасту) из числа достойных кормилиц будут главные попечительницы о браках и предоставлять их кандидатуры для утверждения стражам законов. Дети же в этих “стайках” будут проводить время в забавах, подчас придуманных ими, а дело кормилиц-воспитательниц – следить, чтобы они были “скромными и не распущенными”.

Поскольку “по своему душевному складу трехлетние, четырехлетние, пятилетние и даже шестилетние дети нуждаются в забавах,... которые возникают словно сами собой, когда дети собираются вместе”, этим играм-забавам, их роли и характеру Платон придавал особое значение в воспитании. С его точки зрения соблюдение детьми правил игры приучает их к жизни в обществе по установленным в нем законам. Об этом он писал в “Государстве”, утверждая, что если игры “...становятся беспорядочными, и дети не соблюдают правил, невозможно вырастить из них серьезных, законопослушных граждан” [1, с. 194]. К этим же мыслям он возвращается и в “Законах”, утверждая, “... что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными или нет”,

ибо нет ничего гибельнее для государства, чем нарушение установленных правил в единообразных играх, введение в них новшеств, поиск перемен. Такое поведение незаметно меняет нравы, "...заставляет бесчестить старое и почитать только новое" [2, с. 275]. Дети, не привыкшие подчиняться правилам игры, не вырастут законопослушными. И, стремясь к иной жизни, "...в этом своем стремлении пожелают иных обычаев и законов", что приведет к величайшим бедствиям для государства. И наоборот, если дети "...с самого начала будут играть как следует, то ...они привыкнут к законности, и в полную противоположность другим детям эта привычка будет у них постоянно укрепляться и сказываться во всем" [1, с. 194]. Еще до достижения малолетними воспитанниками трехлетнего возраста родители должны позаботиться о воспитании у них уважения к "неписанным обычаям", что станет основой их последующей жизни по "писаным законам".

В играх дети способны "то, забавляясь, то серьез" упражняться в том, что может пригодиться им в будущем. Например, с помощью предложенных воспитателем "орудий" "возводить какие-то детские сооружения", строить, обрабатывать землю и пр. Все это станет "надлежащим воспитанием", которое внесет "в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатком и достичь совершенства" [4, с. 107].

В процессе воспитания надо остерегаться избалованности и изнеженности потому что "... изнеженность делает характер детей тяжелым, вспыльчивым", но и без наказаний не обойтись. Однако слишком суровые меры воздействия нежелательны, ибо чрезмерное грубое порабощение детей делает их приниженными, неблагородными, ненавидящими людей, так что, в конце концов они становятся непригодными для совместной жизни" [2, с. 268]*. Если и наказывать, то так, "чтобы не задеть их самолюбия"; не надо допускать грубого обращения, "оскорблять подвергающегося наказанию, но нельзя и баловать отсутствием наказания" [4, с. 271]. К суровым методам он относил и запугивание детей фантастическими чудовищами, готовыми в любую минуту наказать их за непослушание. Отсюда такое внимание Платона к отбору содержания мифов, предназначенных для рассказывания детям.

Общественное воспитание до шести лет должно быть совместным, но после достижения этого возраста дети разделяются. "Мальчики проводят время с мальчиками, точно также и девочки с девочками, но и те и другие должны обратиться к учению. Мальчики поступают к учителям верховой езды, стрельбы из лука, из праща, метания дротиков. Если девочки согласятся, они также занимаются этим..." [2, с. 272].

Заключение

Так, впервые в истории западно-европейской философской мысли была выдвинута идея общественного дошкольного воспитания. Идея эта была составляющей в концепции переустройства города-государства на идеальных началах.

На практике же организация подобной формы воспитания первоначально возникнет в связи с необходимостью устройства детей-сирот и подкидышей через несколько веков. В Древнем Риме судьба детей полностью зависела от воли отца. Новорожденного клали на землю у его ног и, если отец поднимал его, то, следовательно, признавал и даровал жизнь в семье. Если же нет – ребенка либо продавали в рабство, либо подкидывали богатой семье, оставляли у храмов. Малыш становился полной собственностью того, кто брал его на содержание, а тот мог делать с ним все что угодно. И хотя в III в. император Диоклетиан осудил

---

* Разве не о таких последствиях жестокого обращения с детьми будут потом писать многие педагоги?

продажу ненужных детей в рабство, никаких изменений в существующее положение дел внесено не было.

Первый специальный дом для этой категории детей возникнет в связи с распространением христианства. В IV в. в Малой Азии, входившей в состав Византийской империи Василий Кесарийский (Великий), епископ г. Кесарии поспособствовал открытию при церквях первых брэфотрофий (воспитательных домов), поскольку христиане ставили в качестве цели воспитания введение ребенка с малых лет в христианский образ жизни, любовь и заботу о ближних, а тем более о сирых и убогих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Платон.** Государство / Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий ; под общ. ред. А.Ф. Лосева. – М., 1999. – С. 79–420.
2. **Плутарх.** Ликург / Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. – М., 1984. – Т. 1. – С. 91–125.
3. **Ксенофонт.** Государство Лакедемонян / Ксенофонт // Хрестоматия по истории Древнего мира. – М., 1991. – С. 152–153.
4. **Платон.** Законы / Платон.: в 3 т. ; под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Немуса. – М., 1972. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 83–477.

Поступила в редакцию 10.12.2010 г.